

*Рабинович Александр,
профессор Индианского университета (США)*

Еще раз о VIII Всероссийском съезде Коммунистической партии

Восьмой Всероссийский съезд Коммунистической партии, который состоялся в Москве 18—23 марта 1919 г., можно считать наиболее важным собранием руководителей партии большевиков на протяжении всей Гражданской войны. Съезд был созван в критический момент этого страшного столкновения, разрушающего страну конфликтом, чтобы в первый раз со времени прихода большевиков к власти, определить программные цели партии и рассмотреть возможные пути решения крайне сложных основных политических, социальных и военных проблем, от которых зависела судьба революции. Среди наиболее серьезных проблем, с которыми тогда столкнулась молодая советская власть, являлись распространение общественных беспорядков, выступлений, связанных с усиливающимся недостатком продовольствия и топлива; крайне опасная эпидемическая ситуация; и почти полное отсутствие законности и порядка в стране. Еще более ухудшало положение структурная неразбериха и нарастающая коррупция в правительстве наряду с оставшейся от прежнего режима чрезвычайной бюрократизацией; все это сковывало усилия большевиков противостоять углубляющимся проблемам, и неизбежно приводило к постепенной потере поддержки партии и революции в обществе.

Но это было еще не все. Незадолго до созыва съезда надежды на свершение социалистической революции в других странах, от которой большевики верили зависела судьба русской революции, были разрушены безжалостным подавлением Спартаковского восстания и зверским убийством Розы Люксембург и Карла Либнехта в Германии. В то же самое время, смертельная военная угроза существованию советской власти появилась в результате быстрого и успешного продвижения через Урал в центральную часть Европейской России армии адмирала Колчака, пользовавшегося значительной британской поддержкой.

Годом раньше, в марте 1918 г., Седьмой Всероссийский съезд Коммунистической партии был сосредоточен прежде всего на вопросе войны или мира с Германией, вызвавшем глубокие разногласия в партию. Повестка Восьмого съезда и задачи,

стоявшие перед ним, были не менее трудные, но значительно более широкие. Необходимо было принять уже так долго откладываемую программу партии, пересмотреть и определить основы политики в отношении крестьянства (подавляющего большинства населения страны); разрешить острые споры о характере Красной армии (военная ситуация и военная политика); и решить продолжающиеся, вызывающиеся постоянные разногласия вопросы об основополагающих принципах организации советского правительства (организационный вопрос). В рамках книги, над которой я работаю сейчас, с названием – «Большевики выживают: правительство и кризисы в Петрограде в годы гражданской войны», я рассматриваю подробно каждый из этих вопросов. В представляемом докладе я сосредоточусь только на двух ключевых вопросах – военная политика и организационный вопрос.

Военная политика большевиков

Зимой 1917-18 гг., после «Красного Октября», защита большевистской революции была в основном в руках наспех созданных партизанского типа формирований. Только весной 1918 г., когда недостатки таких слабо организованных военных отрядов стали очевидными, начался поворот в сторону создания регулярной, централизованной, традиционной армии. Ключевой фигурой, с которой был связан этот поворот, был обладавший огромными полномочиями и влиянием народный комиссар военных дел, Лев Троцкий. Однако, даже в 1919 г. военная политика Троцкого в целом, и в частности, его позиция в отношении привлечения опытных офицеров царской армии (военных специалистов, или «спецов», как этих командиров называли в Красной армии) оставалась крайне спорной. «Теплые отношения» Троцкого со «спецами» только укреплялись с течением времени, что было особенно неприемлемо для петроградских большевиков. Именно их враждебное отношение к Троцкому из-за его позиции по «спецам», вызвала его внезапный перевод из Петрограда в Москву в марте 1918 г.¹ Более того, привлечение Троцким офицеров царской армии оттолкнуло партийных руководителей (военных комиссаров), которые должны были работать вместе с ними. Среди таких военных комиссаров были ветераны большевистской партии, которые ранее прославились как герои войны, а теперь вынуждены были заниматься только политическими вопросами. Таким образом, неудивительно, что ситуация в армии и военная политика были крайне

чувствительными вопросами, поставленными ЦК в конце января 1919 г. на повестку дня Восьмого партийного съезда. После этого Троцкий в феврале 1919 г. подготовил детальные тезисы, отражающие его взгляд на проблему и пути ее решения для представления на съезде и принятия делегатами; в то время как его наиболее резкие критики (члены так называемой «военной оппозиции»), большинство которой составляли большевики-военные комиссары, настроенные крайне враждебно по отношению к Троцкому и его планам военной реформы, готовились противостоять ему на съезде.

Эта уже в значительной степени сложная ситуация противостояния стала еще сложнее, когда в марте белая армия адмирала Александра Колчака начала свое мощное и вначале очень быстрое продвижение через Урал в Центральную Россию. За несколько дней до открытия съезда, Троцкий, при неохотном согласии Ленина и ЦК, срочно выехал на фронт спасать ставшее чрезвычайно опасным положение. Троцкий ожидал, что все армейские делегаты съезда, большинство которых было к этому времени в Москве, также вернутся на фронт. Однако, когда эти делегаты запротестовали, считая, что цель их отправки назад на фронт была подавить их оппозицию к Троцкому, им было позволено остаться.

Сила военной оппозиции и масштаб ее разногласий с Троцким и его политикой в отношении армии стали почти сразу очевидными на первом пленарном заседании съезда по военному вопросу в Кремле 20 марта. После того как Георгий Сокольников, заменивший в последнюю минуту Троцкого, представил тезисы последнего, Владимир Смирнов, член Реввоенсовета 5 армии и один из влиятельных руководителей военной оппозиции, выступил с разгромной критикой представленных тезисов. Более того, обе стороны еще сильнее разошлись во время специально организованных, закрытых заседаний военной секции съезда 20 и 21 марта (всего прошло 4 заседания) для выяснения всех разногласий между сторонами и закрытого второго пленарного заседания съезда 21 марта.² Перед лицом продолжающихся отступлений на фронте, и что не менее важно, первым массовым призывом крестьян в Красную армию, Сокольников настаивал на ускоренном создании централизованной, высокой дисциплинированной, традиционно организованной армии, в которой военные специалисты, под тщательным контролем военных комиссаров, обладали бы полнотой власти, чтобы командовать войсками. Он утверждал, что есть совершенно очевидные доказательства того, что партизанские отряды,

которые были успешно преобразованы в регулярные части с военными специалистами на командных постах, успешно действовали на фронте в отличие от других частей, которые не были реформированы и действовали на старых основаниях.

Наоборот, члены военной оппозиции заняли резко враждебную Троцкому позицию и яростно критиковали военных специалистов как социальную группу. Для них «партизанщина» была недостаточно признанной, славной и еще неперевернутой страницей в советской военной истории. Спецы считались опасными, классовыми врагами, не подлежащими исправлению. С очевидной неохотой Смирнов признавал необходимость их временного использования. Однако, он настаивал на необходимости строжайшего контроля за спецами со стороны политических комиссаров, обладающих широкими властными гражданскими и в значительной степени командными полномочиями. Наряду с формированием несколькими месяцами ранее обладающего значительной властью, централизованного Революционного Военного совета Республики, возглавляемого Троцким, и имея в виду его планы по модернизации армии, Смирнов выражал озабоченность, что дела уже опасно далеко зашли в неправильном направлении – в сторону традиционно дисциплинированной, иерархически структурированной армии, гораздо более, чем предполагалось, зависимой от спецов. По мнению Смирнова, было чрезвычайно важно развернуться в противоположную сторону и без промедления. Как он утверждал, многие военные комиссары уже обладали значительными военными знаниями и опытом, и уже пора дать им значительные *командные* полномочия. Тезисы о военной политике, представленные Смирновым для принятия съездом, отражали эту позицию. В основном, как полагал Ленин в это время, в тезисах был заявлен отказ от принципов военной политики, разделяемых самим Лениным, Троцким и ЦК.

В недавно опубликованных протоколах съезда зафиксирован факт, что ВО имела подавляющее большинство на каждом из закрытых заседаний военной секции, на которых оратор за оратором настаивали на полном отказе от военной политики Троцкого, радикально и безоговорочно. В дальнейшем, как только тезисы оппозиции были приняты за основу для последующего обсуждения на третьем заседании секции во второй половине дня 21 марта (за них проголосовало 37 против 19), сторонники Троцкого демонстративно покинули зал заседаний; более того, они отказались участвовать в четвертом заседании

секции, которое должно было подготовить итоговый вариант резолюции для рассмотрения на съезде.

По приказу ЦК, то пленарное заседание съезда вечером 21 марта началось с отрезвляющего доклада Сергей Аралова, представителя Реввоенсовета республики, о текущей ситуации на всех фронтах гражданской войны. Используя большую карту, Аралов показал быстро меняющиеся линии фронтов и текущие сильные и слабые стороны красных и белых. Его главный аргумент был созвучен словам Сокольников. Поворот от партизанских отрядов к регулярным, направляемым из центра, с эффективной системой связи, адекватным количеством специалистов в командном составе, снабжением, был решающим для успеха на фронте. Поэтому Аралов срочно требовал сотни новых военных специалистов и ничего не говорил о подготовке и роли красных командиров. В свою очередь, Емельян Ярославский, председатель военной секции и кроме того, один из лидеров военной оппозиции, описал резкий конфликт, возникший в секции между сторонниками Троцкого и членами военной оппозиции, и в самых резких выражениях критиковал уход меньшинства после его поражения. Ленин, в своем твердом, временами очень эмоциональном, опровержении также назвал уход меньшинства неуместным. Но тем не менее, крайне раздраженный тем как развивалась дискуссия по военному вопросу, он раскритиковал тезисы Смирнова по отдельности и целиком с впечатляющей резкостью. Так, после прочтения одного из тезисов, в котором критиковались новые правила, введенные в Красной армии, как механическое восстановление дореволюционных военных порядков, он спрашивал скептически -- можем ли мы позволить такие выражения внутри партии? Далее, все еще в крайнем раздражении, он назвал критику в отношении Троцкого за не проведение политики ЦК «сумасшедшей», добавив, что «если вы это докажете, тогда ни Троцкий ни годится, ни ЦК». «Этот исторический переход от партизанщины к регулярной армии в ЦК десятки раз обсуждался» -- закончил он свою речь. «А здесь говорят, что нужно все это бросить и вернуться назад?! Никогда! Ни в каком случае!»³

Горячие споры по поводу военной политики на пленарном заседании 8 съезда вечером 21 марта закончились голосованием 174 против 95, в поддержку позиции Ленина-Троцкого и это казалось должно было определить решение вопроса. Но этого не случилось. На следующее утро, Президиум съезда, очевидно отвечая на запрос ЦК,

предложил создать согласительную комиссию, чтобы сгладить противоречия между противостоящими сторонами по военному вопросу.⁴ В рамках этой комиссии, возможно что представители военной оппозиции были подкупленные обязательством послать Троцкому официальное письмо с выговором, что он зашел слишком далеко, принимая спецов и игнорируя комиссаров.⁵ Как бы то ни было, было достигнуто соглашение послать Троцкому ясную инструкцию, чтобы в будущем он работал в более тесном и систематическом контакте с фронтовыми комиссарами. На последнем заседании съезда вечером 23 марта Ярославский представил «компромисную» резолюцию, разработанную согласительной комиссией. Она отражала позицию ЦК с относительно небольшими уступками оппозиции. Ярославский отказался от большинства нападений ВО на ЦК по военному вопросу и возможно по договоренности, не сказал ничего о выговоре Троцкому.⁶ Резолюция была формально одобрена ЦК 25 марта и была отправлена Троцкому на следующий день.⁷ К этому времени Смирнов был освобожден от всех военных постов, безусловно по причине нежелания следовать политике ЦК. Ленин рассказал об этом на неофициальной, без протокола, встрече делегатов съезда 23 марта.⁸

Организационные вопросы

Начиная с середины 1960-х гг., группа молодых западных историков революционной России поставила под сомнение существовавшие общепринятые представления о характере партии большевиков в 1917 г., доказывая, что в период борьбы за власть после Февральской революции, принятие решений внутри партии было значительно более демократичным и децентрализованным, чем это принято считать. Далее, представители этой группы, в числе которых был и я, доказывали, что именно эта относительно открытая и гибкая организационная структура партии являлась одним из главных факторов успеха большевиков в октябре.

Вслед за «красным октябрем», СНК, состоявший исключительно из большевиков, практически ликвидировало власть многопартийного ЦИК Всероссийского Съезда Советов. Позднее, в январе 1918 г. было разогнано Учредительное Собрание. На местном уровне, судя по развитию событий в Петрограде, районные советы обладали политической властью сверху донизу; и в действительности губернские, сети городских и уездных советов превратились в целом стабильные и относительно независимые местные

правительства.⁹ Конечно, с самого начала большое количество членов партии большевиков было взято на постоянную работу в правительственные органы и армию, что неизбежно наносило ущерб партийной работе и иногда даже совсем ее останавливало. Однако в начале – и это мое центральное положение – партия как *самостоятельный* политический институт не играла структурной роли в правительстве. На короткое время идеал демократической «советской власти», который так способствовал успеху большевиков, оказался реализованным, по крайней мере, частично.

В 1918, как и в 1917, изменения в структуре партии и правительства, их взаимоотношения, были снова в значительной степени обусловлены меняющейся обстановкой. С углублением кризиса в ходе гражданской войны, и в связи с огромным сокращением резерва компетентных и надежных партийных работников, необходимость в *похожей на военную* централизации и партийной дисциплине стала очевидной и была в целом принята. Но это в меньшей степени относится к *структурной* роли партии в правительстве. В первой половине 1918 г., в последние месяцы перед развернувшейся гражданской войной, Москва предпринимала усилия реализовать принцип, согласно которому органы партии должны занимать *командные, системообразующие* позиции в правительстве. Тем не менее, структурные взаимоотношения партии и советов все еще обсуждались на протяжении второй половины 1918 и в 1919, даже после принятия ЦК принципа, согласно которому партия должна обладать *абсолютным контролем* над принятием решением в советах.¹⁰

Основное разногласия относительно структуры правительства и власти разгорелись в Петрограде. К началу 1919 г. Григорий Зиновьев, председатель Петроградского совета, неоднократно ставивший под сомнение необходимость и возможность партийного контроля, перешел на другую сторону и стал ярким защитником принципа, что партия должна стоять выше советов и *направлять* их работу.¹¹ Однако многие его петроградские товарищи упорно не хотели принять этот принцип и отказаться от идеала подлинной советской власти.¹² Кажется, что по меньшей мере частично по настоянию этих большевиков, рассмотрение вопроса о роли в правительстве советов и партии и об отношениях между ними, был включен в повестку VIII съезда.¹³

В феврале 1919, во время подготовки съезда, представлять позицию ЦК по этому вопросу было поручено Якову Свердлову. Учитывая что он являлся одной из ключевых

фигур в ЦК, председателем ЦИК, а также бесспорным авторитетом в партии по всем организационным и кадровым вопросам, лучшей, более подходящей кандидатуры было не найти. Его внезапная смерть 16 марта, за 2 дня до начала съезда, разрушила шансы гладко провести съезд, и в частности, донести до съезда позицию ЦК по вызывающему разногласия организационному вопросу, избежав серьезных проблем.

17 марта, на следующий день после смерти Свердлова, ЦК поручил Зиновьеву заменить его на съезде и выдал точные инструкции по содержанию и структуре резолюции по организационному вопросу, которую он должен был представить съезду. Одновременно, Зиновьев был подготовлен отразить атаки на руководство партии со стороны так называемой «левой оппозиции». На этом заседании, ЦК принял, в основном без изменений, тезисы по организационному вопросу, которые Зиновьев представлял как основу для последующего обсуждения среди петроградских большевиков месяцем ранее.¹⁴ Эти тезисы, которые вызвали разногласия в Петрограде, характеризовали советы и партийные организации как отдельные институты и точно определяли роль в управлении каждого из них. Советы понимались как представительный орган *всего* рабочего класса и беднейшего крестьянства, а партия как их политический *авангард*. Таким образом, задачей партии было установить абсолютный контроль над принятием решений по политическим вопросам в советах через фракции партии, подчиняющиеся строгой партийной дисциплине. Однако, этот контроль не распространялся на советы как народные органы власти, ответственные за *реализацию* политики и выполняющие *административные* функции. В отношении структуры партии тезисы Зиновьева подтверждали, что все члены партии, безотносительно их статуса в правительстве, безоговорочно, беспрекословно выполняют решения партии и подчиняются партийному контролю. Дополнительно, откровенно признавая что враждебные, «чужие элементы» проникли в партийные и советские органы, что вылилось в их чрезвычайную бюрократизацию и растущее недоверие к ним, тезисы обеспечивали возможность систематических «чисток» обоих институтов.

На заседании 17 марта, ЦК добавил несколько *новых* положений к тем, которым привез из Петрограда Зиновьев. Эти дополнительные положения отражали вопросы, поднятые «левой оппозицией», такие как привлечение значительно большего числа рабочих и солдат в партию, реформирование внутренней структуры и деятельности ЦК, а

также другие проблемы национального масштаба, не затронутые Зиновьевым, такие как, установление руководящей роли Российской коммунистической партии в отношении компартий советских республик (Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии), и определение до этого совсем неясной роли в правительстве президиума ЦИК и его взаимоотношений с СНК.

Возможно из-за угрозы «левой оппозиции», а также непредвиденного отсутствия Свердлова, обсуждение организационного вопроса на съезде не началось на пленарном заседании. Он был в центре внимания двух бурных заседаний необычно большой специальной секции по организационному вопросу, которые состоялись вечером 20 марта (похороны Свердлова состоялись утром 20 марта) и утром 21 марта. Только после этих заседаний вопрос был вынесен на обсуждение съезда (на два пленарных заседания 22 марта).¹⁵

Критика партии и советского правительства со стороны левой оппозиции ясно проявилась на обоих заседаниях специальной секции по организационному вопросу. Примечательно, что Н. Осинский (Оболенский), лидер левой оппозиции, не поставил под сомнение тезисы Зиновьева в отношении необходимости строгой, сверху донизу дисциплины внутри партии. Только очень немногие выразили сомнения в такой необходимости.

Однако он совсем не сдерживался, нападая на ЦК за недостаток руководства, провал попыток как вовлечь низовые партийные организации в принятие политических решений, так и выразить связно собственную политическую позицию (в действительности, даже проводить заседания!), и за то, что часто ЦК оставляет принятие решений Ленину и Свердлову и какие-либо немногие члены ЦК, которые присутствовали. Осинский связал отчасти эти проблемы с беспечностью с которой проводились выборы в ЦК; он доказывал, что будущие кандидаты в члены ЦК должны выбираться с большей тщательностью, чем это было в прошлом. Подобно Зиновьеву, в его тезисах, Осинский выступил с резкой критикой чрезвычайной бюрократизации как советов, так и партии. Но в отличие от Зиновьева, он заметил то, что казалось ему отсутствием *какой-либо* широкой партийной деятельности. «В партийной организации нет жизни», настаивал он, «в партию набивается дрянь, люди с билетами, но без багажа в голове».¹⁶

Впоследствии Осинский уточнил эти положения, добавил другие, пояснил основания для своих мыслей, говоря, что внутренняя контрреволюция больше не является серьезной угрозой и опасность поражения в гражданской войне заметно уменьшилась. В отличие от Ленина и Троцкого, которые действовали исходя из предположения, что исход гражданской войны остается неопределенным, и соответственно, военная защита революции вынуждена остается приоритетной по сравнению со всем остальным, внимание Осинского было приковано к быстро нарастающему внутреннему политическому и социальному недовольству, усиливающимся волнениям в стране, и, следовательно, к изоляции партии от ее социальной базы. Для него революция была обречена на гибель, если партия не привлечет как можно больше рабочих и крестьян к активному участию в управлении страной и не удовлетворит экономические нужды широких масс.

Мне следует подчеркнуть, что главной слабостью «левой оппозиции» являлось отсутствие единства по вопросу о структурных реформах. Однако, говоря в целом, позицию Осинского, подчеркивающего безотлагательную необходимость структурных изменений в ЦК и правительстве, разделяло большинство левых коммунистов. Кроме того, Осинский и многие его товарищи призывали остановить тенденцию превращения региональных и местных органов власти из демократических советских собраний в исполнительные комитеты, успокоить общественное возмущение и сократить нарастающий разрыв между партией и рабоче-крестьянскими массами, привлекая значительное число рабочих и крестьян в правительство. В итоге, эти меры виделись левой оппозицией как способ восстановить хоть в какой степени действительно народное правительство в том, что им казалось гниющей советской политической системой.

Тимофей Сапронов, также один из главных оппозиционеров, вторил Осинскому в осуждении действия партийного руководства и то, что он называл нездоровым отказом в партии от справедливой критики. В тоже время, не ставя под сомнение масштабы коррупции в партии и правительстве, и никто это не оспаривал (даже Зиновьев и другие лояльные ЦК члены партии), Сапронов направил огонь критики на комиссаров, которые издавали несправедливые карательные приказы, на ЧК и военные комиссариаты в зонах военных действий, которые продолжали узурпировать власть советских исполнительных комитетов в ущерб законному правительству и местным нуждам. Он призывал, что целые

исполнительные комитеты надо расстрелять, если они виновны, но такую же меру надо применять и к никому не подчиняющимся военным комиссарам.

В заключительном слове Зиновьев выступил со страстной защитой руководства ЦК. Признавая справедливость основной критики левой оппозиции в отношении существующих проблем в партии и правительстве, он восхвалял ЦК за руководство в борьбе за политические реформы. В тех случаях, когда левая оппозиция расходилась в ЦК во взглядах на основы структуры правительства, например, по вопросу о роли партии в правительстве, Зиновьев безоговорочно был на стороне ЦК. В итоге он атаковал левую оппозицию за попытку устранить партию из правительства и делал ставку на идею, что задачей партии является определять политику, в то время как задачей правительства является реализация этой политики на практике.

В конце второго заседания секции по организационному вопросу тезисы Зиновьева были приняты за основу для дальнейшего обсуждения небольшой согласительной комиссией. Эта комиссия встретила на следующее утро и приняла компромиссную резолюцию для представления съезду. Компромиссная резолюция обсуждалась на двух пленарных заседаниях позднее в этот же день (22 марта). Осинский был на середине своего заключительного слова от лица левой оппозиции, когда он был прерван шумом позади него – среди членов президиума. Лев Каменев, тогда председательствующий на съезде, прервал Осинского, после чего Зиновьев закричал:

«Только что получено по радио известие, что в Будапеште, столице Венгрии, провозглашена советская республика (бурные аплодисменты) Венгерская советская республика прежде всего желает установить тесную связь с нами и предлагает Российской советской республике оборонительный и наступательный союз против мирового империализма (еще бурные аплодисменты, весь съезд встает и поет «Интернационал».)»¹⁷

Венгерская советская республика была слабой с самого начала и пала через 4 месяца. Чтобы понять это взрыв ликования среди делегатов съезда в этот момент, нужно помнить о тревожных реалиях и конфликтах на съезде, безысходности, порожденной растущей изоляцией и необходимостью дальнейших жертв чтобы выжить и воплотить все более отдаляющиеся революционные мечты. В такое время любой всплеск революционного движения, даже незначительный, встречали с надеждой. Вслед за объявлением Зиновьева венгерский коммунист Руднянский, тогда живший в

революционной России, поспешил на сцену; под аплодисменты и восхищенный рев зала, он объявил, что он больше не рассматривает себя просто как представителя Венгерской компартии, он теперь также представитель *советской Венгрии!*

Среди господствующего возбуждения, встает вопрос - многие ли делегаты остались дослушать Осинского, который отказался завершить свое выступление и выслушать Зиновьева, который резко (хотя и необычно коротко для него) раскритиковал «левую оппозицию». Очень быстро, окончательная резолюция по организационному вопросу была передано ЦК.¹⁸ Стенограмм показывает, что, несмотря на серьезные нападки на левую оппозицию, последний вариант резолюции по организационному вопросу отражал большую часть высказанных оппозицией критических замечаний. Так было в случае с разделом о строительстве партии, с которого начиналась резолюция. В нем подчеркивалась кардинальное значение открытия широкого доступа в партию для рабочих и особенно для рабоче-крестьянской молодежи, с одновременным ограничением принятия в партию не рабочих и не крестьян; определения обязательных мер для восстановления связей членов партии, полностью занятых в правительственной работе, с их фабриками и заводами; развития новых форм взаимодействия между ЦК и местными партийными организациями. Раздел резолюции о советах выглядел похоже и менял состав ЦИК (большинство в нем должны были составлять теперь местные рабочие и крестьяне, а не партийные работники). Также этот раздел подтверждал важность уменьшить роль исполнительных комитетов в местном управлении и одновременно усилить роль народно избранных советов.

В то же самое время структура резолюции отражала позицию ЦК, подчеркивающего первостепенную роль в правительстве партийных организаций. Несколько ключевых положений резолюции повторяли слово в слово тезисы, привезенные из Петрограда Зиновьевым. Это касалось не только разделов резолюции, закреплявших руководящую роль партии в государственном и местном управлении, но также и разделов, определяющих взаимоотношения между партией и советами на всех уровнях, и заявлявших об абсолютной необходимости строгой централизации управления чтобы преодолеть углубляющиеся политический, экономический и военный кризисы.

Выводы

Дискуссии и резолюции VIII Всероссийского съезда Коммунистической партии показательны на нескольких уровнях. Горячие споры о «военной политике» были примечательно свободными и откровенными. Более того, несмотря на сделанный «выговор» Троцкому, была дан «зеленый свет» для строительства Красной армии на традиционных структурных принципах, на которых настаивал Троцкий и тем самым был сделан чрезвычайно важный шаг в сторону победы в гражданской войне. Решения съезда укрепили образ Троцкого как архитектора победы советской республики в гражданской войне и ее превосходящей герой. Однако в конечном итоге, враждебное отношение к Троцкому, которое проявилось со всей очевидностью на VIII съезде, помогает понять причины поражения Троцкого в борьбе за власть после смерти Ленина.

В отношении организационного вопроса – прежде всего, соглашения по вопросу структуры партии и советов, а также характера взаимоотношений между ними, принятые на съезде решения были определяющими. Резолюция съезда по организационному вопросу включала несколько мер, предложенных левой оппозицией, стремившейся усилить партию и советы как в количественном, так и качественном отношении. Например, очистить и партию, и советы, от коррупционеров и карьеристов; восстановить связь между большевиками занятыми советской работой и их предприятиями; ослабить требования к кандидатам в члены партии, придать большее значение массовую привлечение в партию рабочих и крестьян и привлекать рядовых рабочих и крестьян к работе в правительстве. Изучая политическую и социальную историю Петрограда в годы гражданской войны (чем я сейчас занимаюсь), я нашел достаточно подтверждений искреннего стремления партийных работников реализовать эти задачи. Неизбежно, однако, их усилия подрывались очередным военным кризисом. Соответственно, VIII съезд оставил в наследство чрезвычайную централизацию в принятии решений и строгое подчинение советов диктату партии.

1. Alexander Rabinowitch, *The Bolsheviks in Power: The First Year of Soviet Rule in Petrograd* (Bloomington and Indianapolis, 2007), p. 216.

2. VIII съезд Российской Коммунистической Партии (большевиков), Стенографический отчет, М., 1919, с. 124-137 и Известия ЦК КПСС, 1989, No. 9, с. 134-175, No. 10, с. 171-182, No. 11, с. 144-179.

3. Известия ЦК, № 11, с. 167.

-
4. Известия ЦК, No. 8, с. 193. Комиссия состояла из Ярославского, Сафарова и Смирнова со стороны ВО, и Сталина, Зиновьева и Позерна со стороны ЦК. Однако, по непонятной причине Смирнов не участвовал в единственном заседании комиссии.
 5. Известия ЦК, No. 12, с. 138-139, 176 [примечания 18-19].
 6. VIII съезд (1919), с. 392-293.
 7. Известия ЦК, No. 12, с. 138-139, 176 [примечания 18-19]; Владимир Ильич Ленин, Биографическая хроника. М., 1976, Т. 7, с. 18, 21; Robert V. Daniels, *Conscience of the Revolution: Communist Opposition in Soviet Russia* (Cambridge, Mass., 1960), p. 463, note 463.
 8. Ленин, Биографическая хроника. Т. 7, с. 14.
 9. См. Alexander Rabinowitch, "The Evolution of Local Soviets in Urban Russia, 1917-1920: The Case of the Petrograd First City District Soviet," in *Party, State, and Society in the Russian Civil War: Explorations in Social History*, ed. Diane P. Koenker, William G. Rosenberg, and Ronald G. Suny (Bloomington, 1989), pp. 133-157.
 10. См., например, передовицу Петра Заславского, Петроградская правда, 28 январь, 1919, с.1 и отчет Ядвига на общем собрании коммунистов первого городского района 8 февраля (Вестник совета 1-го городского района 14 февраля, 1919, с. 3).
 11. Петроградская правда. 9 февраля, 1919, с. 1; Северная коммуна, 9 февраля, 1919, с. 5.
 12. Например, тезисы Зиновьева обсуждались в комитете большевиков в Петербургском районе 11 февраля (ЦГА СПб, ф. 9618, оп. 1, д. 296, л. 49-55). См. А.В. Гоголевский, Петроградский совет в годы гражданской войны. Л., 1982, с. 81-84.
 13. Б.В. Павлов, Коммунистическая партия в советской политической системе, 1917-1925. Спб, 2003, с.60.
 14. Петроградская правда, 9 февраля, 1919, с. 1; Северная коммуна, 9 февраля, 1919, с. 5.
 15. См. Стенограмм (1919), с. 139-194, 240-281, 365-370.
 16. Там же, с. 140-143.
 17. Там же, с. 278-279.
 18. Там же, с. 279-281.